

Александр
БАБИН

Юмористические
РАССКАЗЫ

18+

Александр Бабин

Юмористические рассказы

<https://litres.ru/74309229>

SelfPub; 2026

Аннотация

Никто не станет спорить: современная медицина зачастую бессильна перед алкоголизмом. А вот простой опер избавляет от этой напасти всего за один сеанс — и это чистая правда. В этой книге вас ждут невероятные охотничьи байки, в которые трудно поверить, и удивительная история о козле, который понимает человеческую речь. Его выходки настолько напугали жителей деревни, что хозяева готовы отдать проказника в добрые руки совершенно бесплатно.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Бабин

Юмористические рассказы

Глава

Лечение Палыча.

— Федорович, я тебя пригласил вот по какому делу... Даже неудобно начинать, знаю, ты человек надежный, умеешь держать язык за зубами, — начальник медвытрезвителя и мой коллега по райотделу милиции встретил меня с заметным волнением, когда я вошел в его кабинет:

— Что случилось, Палыч? — спросил я прямо, чтобы не тянуть время.

Он обвел кабинет подозрительным взглядом, словно опасаясь прослушки, и понизил голос:

— Дело щепетильное, лишние уши ни к чему. Проблемы у меня со здоровьем.

— Палыч, как-то издалека заходишь, — усмехнулся я. — Мы с тобой десяток лет бок о бок, хоть и в разных подразделениях. Уголовный розыск своих не бросает. Выкладывай, что за беда?

— Пытаюсь лечиться, — прошептал он.

— От чего? — я тоже невольно перешел на шепот.

— От душевной болезни, — Палыч вдруг громко расхо-

хотался.

— Девчонки виноваты? — парировал я, подхватывая его смех.

— В том числе и они!

— Так это дело поправимое, — я выразительно ткнул пальцем в воздух, имитируя укол в известное мягкое место, как это делают врачи. Вспомнился бегемот из мультика, который до смерти боялся прививок.

— Я уже проходил эту процедуру, не помогает — деньги на ветер! Осталось только одно — «подшиться», — Палыч кивнул на свои слова. — Вшить «Эспераль» под кожу.

— Ты чего? — я опешил. — Считаешь себя алкашом? — я попытался перевести всё в шутку.

— Врач так сказал. Видимо, к этой категории я и отношусь. Представляешь? Начальник медвытрезвителя — и вдруг алкаш! Вот диагноз на старость лет, ничего не скажешь.

— Он что, этот «Айболит» — самоучка над тобой пошутит? Или были причины для таких выводов? — Я всё ещё не понимал, шутит он или говорит всерьёз.

— Да какая там шутка... Только что из поликлиники. Пришёл с жалобами на боль в боку, врач отправил на анализы. Оказалось, печень еле живая. А я как раз две недели назад сорвался. Сам не знаю, как так вышло... Работа виновата, сам знаешь — ночуем там. Тут ещё комиссия из области нагрянула, а они пьют как кони, привыкли на халяву-то. Ну и

я с ними... А мне ведь нельзя! Как приложусь — так и понеслось. Что за натура такая? Вместо того чтобы выпить пару стопок и остановиться, я ухожу в запой на две недели. Жена ворчит, лечиться пробовал — только время потерял. Сначала народными средствами пытался спастись, стеснялся в больницу идти. Я тебе об этом рассказывал?

— Насчёт народных средств — точно нет, — ответил я. — Я бы запомнил.

— Тебе хорошо: выпил и не похмеляешься. А у меня будто мозг отключается — пью и пью.

— И что за средства? Травами лечился? — мне стало любопытно.

Палыч вынул из кармана платок, вытер вспотевший лоб и пробурчал:

— Значит, не рассказывал... Совсем память отшибло. Если бы травами — я бы, может, и выжил. А так — чуть коньки не отбросил.

— Как так? — удивился я.

— А вот как вышло! Мой водитель, зная о моей проблеме, посоветовал своего знакомого — тот лечит алкоголиков на дому. Я, конечно, начал расспрашивать, что за человек. Оказалось, наш бывший коллега, служил в ИВС. Это меня и подкупило.

— Так я его знаю! Серега Степанов! — радостно отозвался я. — А вот как вышло! Мой водитель, зная о моей проблеме, посоветовал своего знакомого — тот лечит алкоголиков

на дому. Я, конечно, начал расспрашивать, что за человек. Оказалось, наш бывший коллега, служил в ИВС. Это меня и подкупило.

— А ты откуда знаешь, что он алкашей лечит?

— Насчет лечения алкашей не в курсе, но слышал, что он на йоге помешан. Хочет до двухсот лет дожить, всякой ерундой занимается, с «космосом» общается, массажи практикует. Когда в ИВС работал, весь мозг коллегам вынес своими нетрадиционными прибаббасами. Начитанный, конечно, но странностями. Ну что, вылечил твою беду?

— Вылечил?! Ну как тебе сказать... Ты не замечаешь, у меня глаза стали больше?

Я присмотрелся.

— Да как-то не обратил внимания. Глаза как глаза. А они-то тут при чем?

— Значит, отек стал спадать, а то я их даже сомкнуть не мог.

— Серёга что, поил тебя какой-то бурдой с корнем мандрагоры? Отравились, что ли? — пошутил я над Палычем, намекая на его травяные настойки, и рассмеялся.

— Если бы! Это был бы лучший вариант. А как вспомню сам процесс — до сих пор в пот бросает.

— Ну что за лечение-то? Может, и мне к нему сходить? У меня нога болит: в футбол с гаишниками играли, так один бугай мне бутсой по стопе заехал. Хромаю, опухоль не сходит, мази не помогают.

— Он только алкоголиков берет, ноги точно не лечит.

— Да я спрашиваю: самолечение как проходит? Долго нужно ходить или за раз справляется?

— За один сеанс.

— Что-то с трудом верится!

— Вот смотри, перед тобой сидит «трезвенник». «Вылечили» меня от алкоголизма так, что к старой проблеме добавилась новая – душевная.

— Что за ерунду несете?

— А ты послушай. Водитель мой договорился с лекарем о встрече. Приехали в назначенное время. Да, чуть не забыл: лекарь попросил привезти две бутылки водки. Думаю, мало ли – может, для натирания или в качестве презента. В общем, взяли. Живет он в частном доме. Зашли во двор, смотрю – лекарь у бани копошится. Познакомились, обменялись рукопожатием: рука крепкая, мужик здоровый, под два метра ростом. Вылитый Михаил Евдокимов, только еще мощнее.

— Да, парень он крепкий, – подтвердил я собеседнику, кивнув на сравнение с артистом. — Когда в ИВС он работал, жулики в камерах тише воды, ниже травы сидели. Кулак у него — как кувалда.

— Во-во, кулак точно как кувалда! — подхватил рассказчик. — Он и говорит: «Палыч, не будем терять время, пойдем в баню, у меня всё готово». Я пошел, а водитель во дворе остался. Лекарь водку с собой прихватил. В предбаннике

разделись, смотрю – он открывает бутылку, наливает полный граненый стакан и командует: «Пей». Думаю, ладно, может, метод такой народный. Выпил. Он наливает второй и снова протягивает. Я спрашиваю: «Может, после бани?». А меня уже развезло, на частушки потянуло. Попытался отказаться, но он настоял: «Пей, иначе лечение не подействует». Делать нечего, выпил. Чувствую – еще пять минут, и запою. Гляжу, он вторую бутылку открывает. Думаю: «Если сейчас третий стакан предложит, я тут же и упаду». А он, оказывается, себе налил. Опрокинул стакан залпом, как стопку, потом второй — и даже не закусил, разве что банным веником занюхал. Говорит: «Палыч, бери полено и пошли париться». Куда, думаю, париться? Я без всякого пара уже еле живой!

— Что за полено-то? — спросил я, не понимая, зачем оно в парилке.

— Да обычное березовое полено, какая разница? Ты дослушай. Заходим мы в парилку, и он сразу командует: «Ложись на живот». Я устраиваюсь поудобнее, смотрю – а на полке топор лежит. Думаю: «Зачем ему здесь топор? Наверное, забыл, когда печь топил». Лежу, жду, что дальше будет: веником поработает, массаж сделает – ну, что еще в бане делают? А он мне так спокойно: «Палыч, приподними живот». Я приподнял, он подсунул под меня это полено. Лежу, как на дыбе, сгорбился в три погибели. Лекарь берет веник, начинает парить, да так поддал пару, что дышать нечем. Пять минут парит, десять... Тело горит, но я терплю. Чувствую –

перестал. Пот глаза заливает, как из лейки, ничего не вижу, утереться не могу: локти под собой, полено мешает. Кое-как повернулся, смотрю – а он топор в руке держит. Хотел было крикнуть: «Ты что творишь?!», но он опередил: «Не шевелись, а то пораню». Переворачивает веник, кладет комлем мне на спину и начинает по нему топором рубить, при этом мантры свои бормочет.

— А ты что, мантры знаешь?

— «Харе Кришна», «Ом Саха Нававату»... Выучил, пока он веник на моей спине кромсал! Тут не то что мантры – английский выучишь, мозг начинает работать иначе, быстрее. А вот время, наоборот, будто остановилось. Смотрю на него, глаза по пять копеек, боюсь пошевелиться: дернусь – вдруг промахнется и позвоночник перерубит? А он все ветки в щепки разнес – прямо фокусник. Как спину мне не располосовал, ума не приложу.

— Палыч, что-то я сомневаюсь, — усмехнулся я. — Вы же с лекарем в хлам были, по два стакана водки всадили. Может, привиделось?

— Какие два стакана?! Я вмиг трезвый стал, как стеклышко — весь хмель как рукой сняло. Тут наука бессильна, какая-то химическая реакция в организме произошла. Закончив «лечение», выходим из бани, а он мне: «Нужно еще два сеанса, и обязательно с двумя бутылками водки». Я, конечно, сослался на работу, наврал, что комиссия с проверкой приехала, но пообещал вернуться. А сам думаю: «Я что, ду-

рак — еще раз под топор ложиться? Не при Иване Грозном живем». Да и не поверил я в такое лечение.

— И что, помогло? Пить бросил? — поинтересовался я результатом.

— Бросил! Скажешь тоже... Я после его сеанса сразу в магазин заехал, взял еще две бутылки. Пью, а водка не берет! И глаза болят, ломит, будто спички в них вставили, от страха стали круглыми, как гусиные яйца. Как я живой остался — до сих пор не пойму, одно везение.

— Первый раз такой метод лечения от алкоголизма слышу, — покачал я головой. — Сам с алкашами работаю, но такого еще не встречал.

— Расскажу тебе еще об одном методе, возьми на заметку, вдруг пригодится. Хотя, по мне, он не лучше предыдущего.

— Опять с водкой?

— Да нет, тут другое — лечение молитвами.

— Вот это дело, — отозвался я, с трудом сдерживая смех при виде его серьезного лица. — Божье слово всегда помогает.

Быть алкашом — дело нехитрое, но Палыч человек хороший, надо его поддержать. Я решил подыграть и напомнил о церковных обычаях:

— Наверное, нужно «Отче наш» читать, в церковь ходить, свечки ставить? Или сразу в монахи податься? Хотя нас, милиционеров, туда вряд ли возьмут — мы все грешные.

— Можно и так, — вздохнул он. — Но у меня все было иначе. Жена удружила: нашла батюшку-лекаря, который якобы от алкоголизма избавляет. Подруги посоветовали. А ты же знаешь, что могут посоветовать подруги — только плохое. Завидуют, что у нее муж — то есть я — образец семейного счастья.

Он явно приписал себе лишнего, но я промолчал, стараясь не рассмеяться: у человека горе, обидится еще. Палыч на минуту задумался и продолжил:

— Снова взял водителя, поехали к батюшке в церковь. Место — на куличках, на самом краю области. Дорога — как после бомбежки, еле добрались. А сама церквушка — маленькая, деревянная, в лесу стоит. Место благодатное, я даже подумал: «Раз такая красота вокруг, точно здесь меня исцелят». Жена еще заставила «Отче наш» выучить — мол, батюшка велел прочитать во время сеанса.

— Батюшка оказался строгим. Заходим, у него служба идет. Народу немного, послушали проповедь, и на душе так умиротворенно стало, что я уже почти поверил в исцеление. После службы подошел к нему, объяснил свою беду. А он спокойный такой, лишних движений не делает. И лицо — ну вылитый Ельцин, только ростом пониже. Я еще подумал: может, родственник? Он мне, посмеиваясь: «Ну что, будем лечиться. Бог поможет».

Прошли мы в его келью. Посадил он меня на стул рядом с подсвечником, зажег свечи, взял кадило, ходит вокруг, ды-

мом окуривает. Велел мне молитву читать да глаза закрыть. И тут я замечаю в углу здоровенную березовую булаву, прямо как у Ильи Муромца с картины Васнецова.

— Помню такую, — перебил я, едва сдерживая смех. — И зачем батюшке булава? Грешников «вразумляет»?

— Слушай дальше. Читаю я молитву с закрытыми глазами, минут пять прошло. Вдруг слышу: «Открывай!». Открываю глаза, а он уже с этой булавой на меня несется и орет: «Хватит пить! Хватит пить!». Я со стула рухнул, подсвечник сбил, ползу по полу, а он за мной с этой дубиной: «Хватит пить!». Загнал меня в угол, я руками лицо закрыл, а он стоит надо мной, булавой машет. Как он меня не приложил — ума не приложу. Видимо, Господь уберег. И тут я, коммунист до мозга костей, впервые засомневался в своем неверии. Оказалось, у него метод такой — «клин клином»: лечит алкоголиков испугом.

— Слушай, он что, больной на всю голову? — не выдержал я. — Или прикидывается? Похоже на методы из мест не столь отдаленных. Я таких «одаренных» встречал: после отсидки многие в религию ударяются, но привычки-то остаются.

— Не спрашивал, судим или нет. Просто взял и меня «исповедовал» булавой.

— И, что сразу пить бросил?

— Месяц ни капли, вот те крест! — Палыч истово перекрестился. — Батюшка после исповеди со мной такую про-

филактическую беседу провел — настоящий психолог! Сказал: «Не бросишь пить — попадешь в ад. А там нас, алкашей, пруд пруди, присесть негде». Даже Ельцина покойного вспомнил. Оказывается, он там теперь на сковородке пляшет.

— А что, в аду правда сковородки есть?

— Не знаю, не бывал. Видимо, если не завяжу, скоро увижу воочию. Хотя, если верить батюшке, может, мне там пощастливится с Ельциным перетереть. Как думаешь, там ведь все равны? Два алкаша всегда тему для разговора найдут.

— Хочешь спросить, чем он лечился? Так его врачи так и не вылечили. Пропил всё президентство, как и всю Россию, — народ в одних подштанниках оставил.

— Да я не про политику. Просто интересно, что там, в аду, делать? Не всё же время на сковороде скакать, может, перерыв какой дают? Говорят, там черти главные...

— Слушай, Палыч, скажу тебе прямо. У вас, алкашей, — извини за прямоту, — одна беда: вы друг друга за версту чувствуете. Для вас выпивка — главная цель в жизни. Каждую минуту об этом думаете, лишь бы повод подвернулся: день рождения, похороны, крестины, повышение... Помнишь «Любовь и голуби»? Герой Юрского там отлично сказал: «День взятия Бастилии прошел впустую». А всё потому, что у вас мозг работает

иначе, не так, как у нас, нормальных людей.

— Ты что, считаешь, что все, кто выпивает — ненормальные? Взять того же Высоцкого: он ведь тоже пил, — сказал он, упомянув легендарного барда, который так и не смог победить свой недуг до самой смерти.

— А с чего ты взял, что талантливый человек — художник, поэт или музыкант — не может быть «ненормальным»? Просто они умеют делать свое дело лучше других, вот и всё. Тот же поэт, к примеру, не сможет класть кирпич, как каменщик, или чинить унитаз, как сантехник. Но о них народ не говорит, они же не медийные лица. В этом мире всё относительно.

— Ты каким-то философом стал, рассуждаешь на такие темы. Книжки, что ли, читаешь?

— Дело не в книгах. Наблюдательным надо быть, смотреть на всё под другим углом. Людей оценивать, сканировать, анализировать информацию, как компьютер. Мы, опера, с этим постоянно сталкиваемся — профессия накладывает отпечаток. Каждый день приходится общаться со всеми: от дворника до губернатора. Мозг всегда должен быть в напряжении: одно лишнее слово — и всё дело насмарку. Мы ведь преступления раскрываем, а жулики — не дураки, они в своем деле профессора. Это только в кино да в книжках всех преступников сажают. В реальности куча дел так и остается «висяками». Работа опера, наверное, одна из самых тяжелых и опасных в стране. Она даже с профессией космонавта или

шахтера несравнима: у тех хоть какой-то шанс выжить есть, а у нас — почти никакого. Рисуем ежеминутно: могут и в кабинете на нож поставить, не говоря уже об улице, где мы по ночам по притонам да подъездам шастаем. На пенсию выходим в тридцать пять, с медалью «Ветеран труда» — иначе медицина нас бы просто не списала. Врачи понимают: до пятидесяти лет в таком режиме чокнуться можно. Редко кто из оперов до такого возраста дотягивает — психика не выдерживает. Мы же не сотрудники ФСБ вот там курорт, а не служба. Недавно вот двоих из нашего отдела комиссовали: один начал коллег допрашивать, видя в них преступников, другой к пассажирам в автобусе приставал, подозревая слежку — нервы сдали. Оба — спортсмены, в рот спиртного не брали. А сколько еще таких на подходе...

— С этим не поспоришь. Работа у вас, оперов, — не сахар. Потому я к тебе и пришел, ты — последняя надежда. Недавно на планерке начальник зачитывал благодарственное письмо от учительницы: ты, оказывается, вылечил её сына от алкоголизма. Я подумал, может, и мне твой метод поможет? Я уже всё перепробовал, пол-аптеки таблеток выпил — на упаковках пишут «лечит», а толку ноль. Зачем их вообще выпускают? Одна реклама, никакой пользы, только деньги с нас, алкашей, тянут. У коммерсантов на уме одна прибыль, о душе никто не думает.

— Палыч, мои методы тебе точно не подойдут. Ты не из той категории.

— Что, лицом не вышел?

— Да причём тут лицо? У меня методы психотерапевтические.

— Слово-то какое мудреное, язык сломаешь. Гипноз что ли?

— Можно сказать и так. Помнишь ту учительницу и её благодарственное письмо? Она пришла ко мне с той же бедой, что и у тебя: сын вернулся из армии и «присел» на стакан. Устроился в строительную бригаду, а там контингент — один другого краше, с утра уже у ларька трутся. Мать мечтает его в институт пристроить, а какой там институт, если он каждый день в стельку? Ну, я и проникся. Жалко стало парня. Я ведь обычно врачей от этой напасти лечу.

— Врачей?! — Палыч хмыкнул. — Врачи должны нас, алкашей, лечить, а ты — их? Врешь, поди?

— Давай расскажу историю про «студента», потом и о врачах поговорим. Сначала я с его матерью побеседовал, узнал, что он за человек, какие слабости, увлечения. Нужно было понять, как к нему подступиться. Выяснил: парень не криминальный, законов «зоны» не знает, детство прошло в пионерских лагерях да кружках — мать-то учительница русского языка. Это мне на руку. Я придумал легенду: мол, на стройке украли трубы, подозрение пало на их бригаду, а он — соучастник. Состряпал липовое заявление от потерпевшего, попросил коллегу написать его чужим почерком. Под-

готовил папку с надписью «Уголовное дело», статью для солидности вписал — 144-я, часть вторая. Приехал на стройку, забрал его и привез в райотдел. В кабинете нагнал жути, папку перед носом помахал. А потом отвел в одиночку, куда заранее подсадил своего человека. У меня есть такой «актер» — взглянешь, и волосы дыбом встают. Четырежды судимый, весь в наколках, живого места нет. Помню, лето было, жара, так он для устрашения рубаху снял — лицо как у гориллы, зубы щербатые, желтые, редкие... Ух, не дай бог ночью приснится! Я им обычно воришек-первоходов пугаю — те сразу всё выкладывают. Так вот, закрыл я их в камеру, а сам встал у двери, слушаю. Мой «зэк» ему и заявляет: «Снимай штаны, Мария Ивановна!». А парень в ответ: «Да я Владимир...». Ну, ты понимаешь — классический психологический прием. Подержал я их минут десять, завожу «студента» обратно в кабинет и начинаю прессовать по краже. Тот трясется, как осиновый лист. Я ему вскользь: «А у вас мать в школе не работает? Фамилия совпадает». Он: «Это моя мама... Если она узнает, что я в милиции, для неё это будет позор». Тут-то он и попался. Я ему: «Помогу, но с условием: бросаешь пить и поступаешь в институт. Даю год испытательного срока. Нарушишь — дело уйдет в прокуратуру». За эту операцию я и получил благодарственное письмо. Конечно, методы незаконные: и в камеру сажал, и дело липовое шил, но цель-то была благородная. Парень человеком стал. Ну что, Палыч, давай по старой дружбе и тебя в камеру к зэкам брошу? Ми-

лиционеров они особенно «любят». Только имя себе заранее подбери красивое: Эльвира или Алина.

— Нет, Федорович, такой метод мне не подходит. Я с тобой серьезно говорю, у меня проблемы со здоровьем, а ты всё в камеру норовишь упечь.

— Есть у меня еще один вариант. Но тоже с изоляцией, учреждение специфическое.

— В ЛТП, что ли? Так их сто лет как прикрыли.

— В дурку.

— Ты что, сдурел? По-твоему, я псих? Ну, удружил, так удружил!

— В дурдоме и алкаши лечатся, на пару с «наполеонами». Лечение стопроцентное. Знаешь нашу Светку-дознателя?

— Ну, знаю...

— Подойди к ней, она расскажет, как я за сутки вылечил её мужа. Инженер, между прочим, не какой-нибудь слесарь из подворотни. Высшее образование, Блаватскую знает от корки до корки, как «Отче наш».

— Это та, что новенькая следачка?

— Слушай, скажи честно: после букваря в первом классе какую следующую книгу читал? Чисто для интереса спрашиваю.

— «Незнайку на Луне». А что?

— То-то и видно. Блаватская в позапрошлом веке жила, она марихуану курила, а не водку жрала, как ты. Возьми её

книги, почитай — сразу поймешь, что она наш клиент. С головой не дружила, с «потусторонними мирами» общалась. Это я к слову о «наполеонах».

— Да при чём тут Блаватская? Ты про инженера рассказываешь, как ты его вылечил, никак не врублюсь!

— Нормально вылечил. Договорился с врачом, и упекли мы его в палату к «бомондам». Там у них полный комплект: Наполеон, президент Кубы, летчик, который руки расставит и по коридору «летает», два Сталина... Все там: кто с детства пришибленный, кто допился до чертиков. Врач мне рассказывал: когда только устроился, чуть от смеха не помер. Говорит, в цирк уже лет десять не ходит — все талантливые клоуны страны у него в отделении собрались.

— У меня в медвытрезвителе тоже клоунов хватает, каждый день вижу. Навезут под вечер — некоторые с чертями разговаривают, — заметил я.

— Вот видишь, мы с тобой почти коллеги, общее дело делаем, — усмехнулся я. — Так вот, попал как-то инженер в такую «лечебницу». Место — как тюрьма: кругом решетки, не выйдешь. Сел он в столовой, перед ним тарелка ухи. Только собрался есть, как сосед по столу — местный «Наполеон» — лезет рукой прямо в его чашку, выуживает кусок рыбы, засовывает себе в трусы, смотрит на инженера и лыбится.

Палыч поморщился:

— Я бы ему сразу в морду заехал. Противно даже слушать.

— Самое интересное, что «Наполеон» этот кусок рыбы

достал и обратно в тарелку положил. Инженера чуть не вывернуло. Но это еще цветочки. Лег он спать, только задремал – чувствует, чьи-то шаловливые руки под одеялом шарят. Вскакивает, а вокруг кровати весь «бомонд» палаты стоит, полотенца в руках держат. Цель их ясна, как день: дураки дураками, а гормоны играют. Инженер в ужасе до вахты добежал и там до утра просидел. Утром рассказал всё врачу, а тот – мне. Я приехал, забрал его и выписал как «полностью излечившегося». И ведь помогло: пять месяцев уже ни капли, даже газировку не пьет.

— Упаси Господи туда попасть, — Палыч перекрестился. Видимо, после посещения церкви и моих методов «лечения» он стал по-настоящему верующим.

— А недавно мне еще один способ подсказали, правда, сам пока не пробовал. Знакомый коммерсант рассказывал. Мать его положила в первую городскую после запоя – сорвался на открытии бизнеса. Палаты там – те же камеры: железные двери, решетки, на ночь запирают наглухо. Санитар вечно где-то шляется, не дозовешься. Мать принесла ему пирожков. А в палате контингент специфический: алкаши со стажем, битые-перебитые, а тут он – при деньгах, в шоке, не знает, как себя вести. Поделился пирожками, поел сам, остатки в тумбочку убрал. А там у него еще два куса мыла лежали. Утром просыпается — пирожков нет, мыла тоже нет, только на полу обгрызенный кусок валяется. А сосед его стоит у двери без трусов, простыню между ног про-

пустил, концы над головой держит — ждет санитара, потому что недержание. Вся кровать коммерсанта и пол вокруг... ну, ты понял. Санитар открыл дверь, алкаш рванул в туалет, сверкая голым задом, но не добежал — запнулся, упал, и весь коридор «украсил». Оказалось, он вместе с пирожками и мыло сожрал, вот его и пронесло. Мой знакомый, как это шоу увидел, сразу после выписки пить бросил. Видимо, алкашам для исцеления нужны сильные эмоции — он их получил сполна.

— Нет, такие методы мне не подходят. Есть что-нибудь более щадящее? Кстати, ты говорил про врачей — как ты собираешься их лечить? Они что, тоже, как я, алкаши?

— В моей практике ты первый «пациент», который открыто признает проблему. Мои знакомые врачи себя больными не считают, хотя совета просят постоянно. Один хирург, например, оправдывает пьянство издержками профессии. Операции длятся часами, пить во время них нельзя, да и некогда. Вот он вечерами и «восполняет баланс» — выпивает пару полуторалитровых бутылок пива, а сверху еще пару рюмок коньяка. Кстати, о коньяке. У меня был случай — звучит как байка, но это чистая правда. Обратился ко мне как-то начальник цеха машиностроительного завода: его токарь загремел в вытрезвитель. А мужик стоял в очереди на квартиру, профком вот-вот должен был ордер выдать. Если бы бумага из вытрезвителя пришла на завод, квартиру бы он не получил. А токарь-то был золотой. Я пошел в дежурку,

забрал протокол, а им сказал: «Идите в Сбербанк, оплатите штраф за услуги вытрезвителя» – рублей сто тогда это стоило. Пообещал, что бумагу на завод не отправлю. Ты же сам тысячу раз так делал, верно?

— Бывает, — кивнул собеседник. — Иногда хорошие мужики случайно попадают, идем навстречу.

— Вот и я пошел. Начальник цеха в благодарность принес бутылку коньяка. Только взял я её в руки, как зазвонил телефон. Нужно было срочно записать информацию, а под рукой ни бумаги, ни ручки. У меня привычка есть: чтобы не забыть, ставлю на предмете две точки. Ну, я фломастером их на этикетке и чиркнул. А так как коньяк я не пью – терпеть не могу этот запах клопов, – убрал бутылку в сейф: пусть стоит, пригодится. Через какое-то время у меня родственник заболел. Чтобы помочь, обратился к другу-врачу, а в качестве благодарности отдал ту самую бутылку. Не прошло и двух недель, как приходит ко мне знакомый преподаватель из института: «Помоги, — говорит, — техосмотр пройти». А у гаишников тогда закон был простой: такса – бутылка. И дарит мне коньяк. Смотрю — а это мой! С теми самыми двумя точками. Я решил приколоться: «Знаешь, — говорю, — я могу рассказать всю историю этой бутылки». И начал «вещать», как экстрасенс: «Эту бутылку недавно держал в руках врач... фамилия... Иванов, Степанов...» — и называю фамилию того самого доктора. «Потом, — продолжаю, — врач передал её тебе...» — и замолчал, будто связь с космосом оборвалась. По-

тер лоб, нахмурился: «Помехи на орбите». Смотрю на него — он в полном шоке: «Как ты это делаешь? Всё до мелочей совпало!» Я сделал умное лицо и отвечаю: «Работа у нас такая, оперская. Этому искусству в закрытых секретных учреждениях учат». Он потом признался, как бутылка к нему попала: врач попросил помочь с поступлением сына в институт и «отблагодарил» его моим коньяком.

— У меня в сейфе полтора ящика разного спиртного — тоже презенты.

— Вот видишь? Не захочешь, а выпьешь. Всё же халявное. Вся страна так живет: «ты мне — я тебе». И это плохо.

— Ну, всё же, как ты собираешься лечить своих друзей-врачей? Может, я тоже подпадаю под эту категорию? Я же говорю: последняя надежда на тебя, Федорович. Жена уже о разводе поговаривает.

— Вот это уже слова не мальчика, а мужа! Значит, есть еще надежда стать человеком. Я ведь своих пациентов делю на две категории: люди и обезьяны.

— Как это — «обезьяны»? Ты шутишь?

— Какие уж тут шутки? Это научно доказанный факт. Правда, у меня нет медицинского образования, но в юридическом институте нам преподавали судебную медицину и психиатрию — экзамены сдавали, кое-какие знания остались. А потом я увлекся изучением алкоголизма — хобби у меня такое. И заметил одну особенность. Ты рентгеновские снимки видел?

— Ну да, видел. А они-то тут при чем?

— А вот послушай. Мы же все толпой проходим медосмотры – по тридцать человек за раз, нас прогоняют по кабинетам. Я стал изучать снимки коллег и заметил закономерность: у тех, кто злоупотребляет спиртным, на позвоночнике, в районе копчика, есть отросток — небольшой хвост.

— Да врешь ты всё! На медосмотре легкие фотографируют, где ты там хвост увидел? Ты что, вообще понимаешь в рентгенологии? Ври, да не завирайся!

— Вот видишь, никто на это не обращает внимания, даже врачи. А я как-то случайно заметил и всё научно обосновал.

— Ну и что это значит?

— Ну и что это значит?

— Мне что, тебе свой рентгеновский снимок принести? — спросил он, клюнув на мою приманку.

— Да нет, тебе это не нужно. Я точно знаю: ты человек нормальный. Я даже по надбровным дугам сужу — у тебя они прямые, значит, к категории «хвостатых» точно не относишься.

— Ну, ты даешь! Серьезно к этому подходишь? Тебе что, правда нравится этим заниматься? А у меня вот никакого хобби нет.

— Вот поэтому ты и пьешь каждый день, — ответил я, убедившись, что он «проглотил» мою байку про людей с хвостами. Появилась надежда до него достучаться.

— Хобби... А где его взять, это хобби? У меня вот «хоб-

би» — водку пить, если это можно так назвать. А что?

— Недавно встретил твою жену. Она с детьми шла. Дочь у тебя, кажется, в восьмом классе, а сын — в пятом? Мы с ней серьезно поговорили. Так поговорили, что она ушла, низко опустив голову. Хорошая у тебя жена, но вот с мужем ей не повезло. Ты ей не пара.

— Скажешь тоже — не пара! А сын в шестом учится. И жена мне ничего такого не говорила.

— А она и не скажет — ей стыдно. Дети-то уже взрослые, всё понимают. Мне так жалко их стало, я неделю тот разговор из головы выбросить не мог. Представил себя на их месте: каково это — иметь отца-алкаша? — я замолчал, давая ему время осознать слово «стыдно» и перебрать в памяти свои поступки.

— Да почему стыдно-то, не пойму? Дети сыты, обуты, всю зарплату в дом несут. Живем не хуже других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.